нитическомъ Манифестѣ,—какъ бы волшебствомъ создавшее столь могучія средства производства и обращенія, походитъ на волшебника, не могущаго совладать съ подземными силами, вызванными его заклинаніями. За послѣднія десятилѣтія исторія промышленности и торговли является ничѣмъ инымъ, какъ исторіей возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ производственныхъ отношеній, этихъ жизненныхъ условій буржуазіи и ея господства. Достаточно назвать торговые кризисы, которые въ своемъ періодическомъ возвращеніи *все болѣе и болѣе грозно ставятъ существованіе всего буржуазнаго общества* (курсивъ нашъ)... Общество оказывается неожиданно возвращеннымъ въ состояніе мгновеннаго варварства: кажется, что голодъ, всеобщая истребительная война лишили его всѣхъ жизненныхъ средствъ; кажется, что промышленность и торговля уничтожены...» и т. д. *).

Вотъ, слѣдовательно, какая иная дополнительная идея выдвигалась первыми теоретиками научнаго соціализма, въ прямой связи съ идеей о подготовленіи условій соціалистическаго переворота путемъ развитія капиталистическаго способа производства. Дѣло шло здѣсь уже не объ одномъ только соціалистическомъ движеніи, но также и о все болѣе и болѣе усиливавшихся экономическихъ кризисахъ, которые угрожали самому существованію буржуазнаго общества, о перспективѣ повторяющихся все изъ большихъ и большихъ размѣровъ общественныхъ катастрофахъ, сопровождающихся уничтоженіемъ «массы производительныхъ силъ» и въ корнѣ подрывающихъ прочность самой буржуазной собственности.

Такимъ образомъ, согласно этой первоначальной концепціи, надъ буржуазнымъ обществомъ, помимо роста соціалистическаго движенія, тяготѣла еще разрушительная стихійная сила самого экономическаго процесса; и вотъ эта-то именно стихійная разрушительная сила и создавала для него совершенно неизбѣжное по своей неустойчивости и необезпеченности положеніе, ибо періодическое возвращеніе бѣдствій, напоминающихъ истребительныя войны, уничтожающихъ массу производительныхъ силъ и—что всего важнѣе—*постоянное и неизбѣжное возрастающее* имѣетъ съ развитіемъ экономическихъ основъ даннаго общественнаго строя, ни въ какомъ случаѣ не могло быть совмѣстимо съ прочностью и устойчивостью его существованія. Что же касается *пролетаріата*, то онъ, какъ извѣстно, выступали въ этомъ, по существу своему, чисто экономическомъ разрушительномъ процессѣ лишь въ роли «могильщиковъ» буржуазнаго общества, уже осужденнаго на гибель самыми условіями капиталистическаго способа производства; пролетаріи должны были лишь «направлять» на буржуазію то смер-

*) Переводъ Поссе, стр. 20—21.

тоносное оружіе, которое она «сама выковала для себя» имѣетъ «въ тѣхъ, какъ росло ея экономическое могущество; оружіе же это выключалось, по словамъ Ком. Манифеста, изъ того, что сама буржуазія «подготовляла все болѣе построяніе и сильные кризисы и въ то же время уменьшала средства для предупрежденія ихъ».

Такимъ образомъ, по идеѣ Ком. Манифеста, развитіе капиталистическаго способа производства не только не должно было сопровождаться непрерывнымъ возрастаніемъ могущества и прочнаго благосостоянія буржуазнаго класса, но, напротивъ того, это могущество и прочность этого благосостоянія должны были все болѣе и болѣе ослабѣвать имѣетъ съ ростомъ капитализма; буржуазія сама должна была оказаться жертвой вызванныхъ ею экономическихъ силъ, съ которыми она не была въ состояніи справиться. Подобно тому, какъ французскій абсолютизмъ до-революціонной эпохи, все подчинявшій своей основной идеѣ бюрократическаго самовластія, погибъ, вслѣдствіе своего собственнаго неомѣреннаго роста, капиталистическій строй долженъ былъ также погибнуть, вслѣдствіе логическаго развитія заложенныхъ въ его основу экономическихъ принциповъ, приведшихъ буржуазное общество къ неизбѣжнымъ и гибельнымъ экономическимъ катастрофамъ; и подобно тому, какъ буржуазія XVIII вѣка, еще далеко не охватившая тогда своимъ вліяніемъ всего государства, явилась историческимъ могильщикомъ обанкротившагося западно-европейскаго абсолютизма, получивъ отъ него при этомъ въ наслѣдство государственную власть, пролетаріатъ также долженъ былъ явиться могильщикомъ уже полуразрушеннаго и распавшагося въ своихъ экономическихъ основахъ буржуазнаго общества—въ качествѣ наиболѣе жизнеспособной политической партіи, выставляющей идеалы болѣе устойчиваго общественнаго строя.

Вотъ, слѣдовательно, какая первоначальная концепція имѣлась въ виду творцами экономическаго матеріализма. Въ этой концепціи были, дѣйствительно, на лицо всѣ тѣ элементы, которые должны были привести къ дѣйствію механизмъ даннаго общественнаго переворота: въ основѣ его лежалъ стихійный ростъ крупной капиталистической промышленности, создавшій огромныя богатства, но имѣетъ съ тѣмъ «регулярно уничтожавшій значительную часть не только выработанныхъ продуктовъ, но и уже созданныхъ производительныхъ силъ». На фонѣ этого экономическаго процесса стояли лицомъ къ лицу двѣ главныя общественныя силы, изъ которыхъ одна, державшая въ своихъ рукахъ всѣ нити государственной жизни, находилась въ состояніи прогрессирующей деморализаціи и все болѣе и болѣе утрачивала способность поддерживать необходимое равновѣсіе въ томъ обществѣ, которымъ политически руководила; другая же общественная сила, все болѣе и болѣе растущая, организованная и сплоченная, выставляла на своемъ знаменѣ такія новыя нормы общественной жизни, которыя